

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

З. В. УДАЛЬЦОВА. ИТАЛИЯ И ВИЗАНТИЯ В VI ВЕКЕ.

Издательство Академии наук СССР. М., 1959, 542 стр.

Перед нами аккуратно изданный большой труд с предисловием автора, введением, девятью главами, шесть из которых отнесены к первой части — «Социально-экономические отношения в Италии в период владычества остготов», три последние главы ко второй части — «Завоевание Италии византийскими войсками и политика Византии в завоеванной провинции». К труду присоединен составленный А. Я. Сыркиным подробный указатель имен и географических названий.

Труд З. В. Удальцовой затрагивает проблемы, касающиеся как истории древнего мира, так и истории Византии и Западной Европы.

Проблема падения рабовладельческого строя и генезиса феодальных отношений в Западной и Восточной Европе не сходит со страниц советской исторической литературы. Появление труда З. В. Удальцовой представляет собой важный вклад в дело изучения этих проблем.

Некоторые разделы рецензируемой книги знакомы читателям: статьи по частным проблемам истории остготского государства были уже опубликованы в «Византийском временнике» (вып. IX, X, XI, XIII, XV), а также в сборнике «Средние века» (вып. VIII). Однако все разделы пересмотрены автором, и рецензируемая книга представляет собой новое, объединенное единой концепцией исследование.

В задачу З. В. Удальцовой входило пересмотреть с марксистских позиций весь круг вопросов, связанных с остготским королевством в Италии. Автором использованы все известные источники — нарративные, юридические, географические, литературные, акты и документы. Особенно важно глубокое изучение такого недостаточно исследованного источника, как равеннские папирусы. В труде фактически заново представлена вся внутренняя история остготского королевства. Пересмотрена детальнейшим образом история войны остготов с Византией в свете классовой борьбы в Италии. При этом автором внесена четкость в историю участия народных масс во время двадцатилетней войны остготов с византийцами, выделены отдельные этапы нарастания и спада революционных настроений. З. В. Удальцова критически использовала всю советскую и сколько-нибудь имеющую значение зарубежную научную литературу по данной теме. Это дало возможность автору выступить со своей концепцией остгото-византийских отношений.

Историки, изучающие внутренний строй и внешнюю политику остготского королевства, обычно дают положительную оценку роли остготов — как в укреплении хозяйства Италии в VI в., так и в области социальной политики. Остготам повезло в историографии: основные источники — Кассиодор, Иордан, Прокопий — идеализируют основателя

остготского королевства — Теодориха. Мало того, Прокопий, будучи в лагере врагов Тотилы, тем не менее так тепло и сочувственно изобразил его, как вообще трудно было ожидать от врага!

Германская историография вплоть до сегодняшнего дня превозносит господство остготов. В советских учебниках подчеркивалась прогрессивная роль остготов как носителей новых производственных отношений в противовес «реакционной» Византии, которая стремилась «возродить» рабовладельческий строй в Италии, напад на готов.

Автору приходилось преодолевать установившуюся традицию и в то же время тщательно, критически выявлять то действительно прогрессивное, что было внесено в развитие Италии во время византино-готской войны выступлением народных масс. Нельзя, однако, сказать, что автору удалось полностью преодолеть установившуюся в литературе традицию. Судя по заглавию, монография имеет в виду не историю готов, а историю Италии в VI в. Однако при определении общественно-правовых отношений в монографии повсюду на первом плане не население Италии, а готы. Исследование начинается не с изложения положения народных масс в Италии, а с завоевания готами Италии. Анализ аграрных отношений начинается с вопроса о распределении земель между готскими воинами. Это выдвигание на первый план готского элемента создает преувеличенное представление о роли готов в изменениях в общественном строе Италии в VI в.

С первой фразы своего труда З. В. Удальцова определяет свое отношение к дискуссии о характере позднеримской империи, считая, что начальная стадия формирования феодальных отношений в Италии падает на конец V и VI в., тем самым всю предшествующую историю Италии относя к рабовладельческой формации. Некоторым диссонансом, однако, звучит утверждение, что в конце V в. в Италии оставались только «остатки рабовладельческого класса» (стр. 5). Это очевидная неувязка. Все приводимые в дальнейшем изложении факты свидетельствуют о том, что позиции рабовладельцев в остготской Италии были еще достаточно прочными.

Первая глава монографии посвящена вопросам, связанным с завоеванием Италии остготами. Каков был общественный строй остготов до завоевания ими Италии, в монографии не раскрывается. Автор присоединяется к выводам И. А. Дворецкой, фактически не подвергая детальному анализу тех общих положений, которые приняты нашей исторической литературой по этой проблеме. Однако для выяснения внутренней политики Теодориха следовало бы более тщательно разобрать проблему общественного строя готов в середине V в. З. В. Удальцова считает, что рабство у готов до их появления в Италии носило «патриархальный характер» (стр. 10). Но это утверждение приведено без аргументации, без пояснения, что означало «патриархальное рабство» в то время. А между тем для понимания политики Теодориха в отношении рабов проблема стадии развития рабовладельческих отношений у самих готов является основной: была ли рабовладельческая политика Теодориха результатом влияния той общественной среды, в какую попали завоеватели — готы, являлась ли эта политика слепым заимствованием римских отношений или же естественным развитием тенденций к рабовладельческому строю в готской экономике?

В свете дальнейшего изложения можно было бы задать вопрос, вправе ли мы безоговорочно признавать, что общественное развитие готов проходило прямо от первобытно-общинного строя к феодальному? Ведь история готов III—IV вв. складывалась иначе, чем история многих дру-

гих германских и славянских племен; готы уже в IV в. имели свою письменность, что свидетельствует о значительном развитии классового строя.

З. В. Удальцова разбирает вопрос о причинах и обстоятельствах похода остготов в Италию. Однако подлинные причины похода остаются неясными. Приводятся слова Иордана о недостатке земель в Паннонии (стр. 11), но непонятно, каким образом в обширной, плодородной Паннонии оказалось мало земель для 100 тыс. готов?

Автор изобличает измышления германских историков, которые с начала XIX в. вплоть до Эисслина считают движение остготов «величайшим завоеванием германской нации». На самом деле, как ясно показано в труде Удальцовой, налицо была борьба германских племен между собой при благосклонном отношении к готам со стороны коренного населения Италии, местной знати и даже католической церкви.

Во II главе автор изучает аграрные отношения, установившиеся в Италии после готского завоевания. На основании данных папирусов автор приходит к бесспорному выводу, что полученные готами «терции» находились в их полной частной собственности (стр. 33). Это означало, что в сущности собственность в остготском королевстве не имела особых отличий от полной частной собственности, узаконенной в юстиниановской Византии (Cod. Just., VII, 25). Автор убедительно доказывает, как в результате готского завоевания значительно возрос удельный вес свободного мелкого и среднего землевладения, показывает некоторую устойчивость его в результате привилегий, которые получили готские землевладельцы. Совершенно правомерен также вывод автора (стр. 34) о росте социальной дифференциации среди готов, что было естественным следствием передачи терций в полную частную собственность и последующей мобилизации земельных участков.

З. В. Удальцова справедливо, в полном соответствии с источниками, говорит о значительном подъеме производительных сил Италии в период правления Теодориха. Однако она напрасно приписывает это влиянию увеличения свободного мелкого землевладения готов. Подъем хозяйства особенно ощущался на юге страны, в Апулии, Калабрии, Сицилии, где вообще готского населения почти не было.

Автор переходит далее к важной проблеме наличия у готов общины-марки (стр. 44). Критикуя положения И. А. Дворецкой, которая стремилась доказать существование остготской общины, З. В. Удальцова, опираясь на четкий анализ имеющихся в источниках данных, так формулирует свой вывод: «... весьма вероятно, что остготы и их союзники в период расселения в Италии еще сохраняли (пусть в пережиточной форме) элементы семейной общины. Однако влияние частнособственнического римского права и интенсивность процесса имущественной и социальной дифференциации... сопровождались не формированием общины-марки, а образованием свободно отчуждаемой собственности в духе римского права» (стр. 45). Можно считать, что это — исчерпывающее, окончательное разрешение спорной проблемы!

Считая, что свободные землевладельцы — готские воины — имели солидный политический вес, З. В. Удальцова усматривает некоторые особенности законодательства Теодориха как результат влияния этой прослойки. Однако не со всеми положениями автора можно согласиться. Вряд ли можно говорить, что римское право не знало противопоставления бедных богатым. «Бедные», т. е. те, чье имущество расценивалось ниже 50 номисм, в Византии были правоограничены — не могли быть свидетелями и т. д. (ср. Dig., 48, 2, 10 и др.). В законе Зенона, например, говорится: при нарушении постановления следует штраф с виновных

в десять литров золота, — а не имеющий возможности вследствие бедности это уплатить, подвергается телесному наказанию и ссылке. . . (Cod. Just., VIII, 10, 12, 5e). Вряд ли можно серьезно относиться к запретам произвольных арестов свободных людей. Подобные же запреты мы находим и у Юстиниана (например, Cod. Just., IX, 4, 6).

Целый ряд мероприятий остготских властей находит полную аналогию у Юстиниана (запрет отчуждения церковных земель, борьба против патроната, против установок «титулов» и т. д.). Пути роста крупной земельной собственности, частной и церковной, те же, что и в Византии. Автор не делает выводов о почти полной тождественности социального и политического строя остготской Италии и юстиниановской Византии. Но выводы сами напрашиваются: завоеватели-готы устанавливали в Италии те же социально-экономические нормы, которые существовали и в Византии.

Глава III, трактующая о формах эксплуатации в остготской Италии, является центральной в труде З. В. Удальцовой. Путем самого детального исследования автор устанавливает, что все положения законодательства Теодориха — как в Эдикте, так и в Вариях Кассиодора — полностью отражали позиции рабовладельцев, что рабство в остготском государстве имело довольно большое распространение как в сельском хозяйстве, так и в ремесле (стр. 91). На основании данных равенских папирусов автором показано широкое распространение практики передачи рабу пекулия — участка земли. Но в то же время отмечается, что остготское законодательство ст. 142 Эдикта Теодориха не стремилось закреплять эти связи раба с земельным участком, как это было в Византии, но предоставляло рабовладельцам право, в противовес предшествующему законодательству, продавать сельских рабов и без земли, т. е. «разорвать сложившуюся в реальной действительности связь раба с его пекулием, с тем участком земли, на котором он жил и который он обрабатывал» (стр. 88). Таким образом, интересы остготской знати, нуждавшейся в рабочей силе, направили ее на путь реакционнейшего законодательства, которое даже в Византии было уже пройденным этапом. Положение рабов, согласно выводам автора (стр. 89), значительно ухудшилось. Правда, автор тут же смягчает свое положение, утверждая, что предписание ст. 142 не могло иметь особой силы на практике. Однако это утверждение ничем не аргументировано и только искусственно сглаживает ту остроту социальных противоречий, которую внесли в Италию остготские завоеватели.

Переходя к разделу о колонате, З. В. Удальцова исходит из совершенно бесспорного положения о широком распространении этого института в Италии. Однако неудачными являются попытки усмотреть в остготском законодательстве иную направленность, чем в византийском. Напрасно З. В. Удальцова признает специфически готским, свидетельствующим о широком значении колоната в Италии, распространение на колонов запрета укрывать беглого раба. Это мы встречаем и в законодательстве Аркадия и Гонория (Cod. Just. XI, 48, 11). Напрасно автор считает результатом чисто готских условий требование к укрывателю беглого раба давать добавочного раба без права альтернативной выплаты 20 солидов. Это мы находим и в римском праве (Cod. Just., XI, 48, 12, 2). Следовало бы резко выступить против Дана, которому везде мерещилось влияние германского права. Указания на особенности статуса оригинариев (95), якобы характерные для остготского эдикта, неубедительны: в таком же духе сохранились и положения римского права (Cod. Just., XI, 48, 6, 7, 16).

Положение автора, что мероприятия Теодориха в отношении колонов и других групп имели целью закрепить трудовое население за поместьями

крупных собственников, правильно, но не совсем точно. Дело не столько в прикреплении к земле, сколько в сближении со статусом рабов.

Статья 142 эдикта, которой посвящена колоссальная литература, в свете исследования Удальцовой получает совершенно ясный смысл: рабовладельческая реакция стремилась сблизить, нивелировать на уровне рабского статуса все зависимое население Италии. З. В. Удальцова правильно критикует положение Дворецкой о том, что предоставление права продавать без земли рабов и наследственных колонов-оригинариев будто бы означает невыгодность рабского труда. Ведь эта же тенденция избавиться от колонов-оригинариев имела и в римское время: владельцы поместий стремились избавиться от колонов, исстари сидящих на земле, и на место их поставить рабов или других колонов (Cod. Just., XI, 63, 3). Грациан и Феодосий это запрещали, Теодорих же разрешил.

Некоторые положения З. В. Удальцовой о колонах недостаточно точны: нельзя говорить о колонах как о единой прослойке зависимых крестьян. В эдикте Аталариха колоны — свободные, наподобие куриалов. Обязанность «не покидать своих пенатов» не была в то время критерием несвободного состояния.

Неубедительно звучит положение З. В. Удальцовой о том, что, предоставляя колону право на использование пекулия, «...остготское законодательство подтверждало некоторые права колона на распоряжение своим имуществом». Но ведь любой раб по римскому праву тоже имел право в пределах своего пекулия совершать сделки! Мы знаем, кроме того, из закона Анастасия, что имущество не всех земледельцев приравнивалось к пекулию! Подобное, безусловно, было и в Италии. Ни в коем случае нельзя считать собственностью всех прослоек колонов пекулием.

Совершенно непонятно утверждение автора о «двойственном положении» рустиков в период остготского господства. Все материалы и ссылки на источники свидетельствуют о том, что не было особой прослойки рустиков, что это — собирательное название, которым обозначалось сельское население вообще: рустиками могли называться и рабы, и зависимые, и свободные. В ст. 150 Эдикта явно говорится о рустике-рабе, пекулием которого мог распоряжаться господин на общем праве! (То обстоятельство, что рустики имели рабов, не имеет особого значения: ведь любой раб, получивший пекулий, мог иметь рабов «викариев».) Вывод, что существовала особая прослойка рустиков, которая вследствие наличия у них рабов стояла выше оригинариев и рабов (стр. 108), неправомерен.

В заключении к главе III З. В. Удальцова говорит о наличии двух тенденций в остготском государстве. Само собой разумеется, в остготском государстве, как и в Византии того времени и вообще в позднем Риме, новые производственные отношения рождались в недрах господствующих рабовладельческих. Но все, что свидетельствует о рабовладельческих отношениях, автором изложено с привлечением непровержимых данных, элементы же феодальных отношений представлены очень спорными аргументами (например, право распоряжаться пекулием). Более логичным был бы вывод об отсутствии в источниках данных о таких мероприятиях остготского правительства, которые способствовали бы развитию феодальных отношений.

В главе IV (о городе и товарном обращении) мы не находим отличий города остготского королевства от позднеимперского V—VI вв. Как положение курий, так и муниципального землевладения является типичным для того времени. Мероприятия Теодориха в отношении города, как явствует из изложения Удальцовой, направлены были тоже на закрепление

существовавшего общественного строя. З. В. Удальцова рассматривает разные причины упадка городов, но как бы скидывает со счета упадок торговли, вызванный варварскими нашествиями и грабежами. Разумеется, не политика Теодориха, а относительно мирный период в Италии сразу же дал возможность народным массам города восстановить хозяйство.

З. В. Удальцова ярко показала, как под влиянием римских отношений власть Теодориха, военного вождя племени, превращалась во власть сильного монарха централизованного по римскому образцу государства и как военно-племенная знать готов становилась классом землевладельцев, фактически стоящим во главе государства. На мой взгляд, однако, недостаточно уделено внимания анализу института *tuitio*. Отвечая, что генетически этот институт восходит ко времени военной демократии и что в условиях остготского государства он сделался средством ограждения интересов римской и остготской знати, автор не развивает и не аргументирует своего утверждения. От кого приходилось защищать эти интересы? Имелось ли в виду создание нового сословия, изъятая из обычного законодательства? Насколько жизненным был институт *tuitio* в условиях господства римского права?

В главе о законодательстве З. В. Удальцова пришла к выводу, что, несмотря на чисто римскую основу, Эдикт Теодориха исходил из интересов остготских завоевателей. На социальной почве позиции римской и остготской знати сходились. Автор убедительно показывает, что расхождение интересов той и другой знати первоначально наблюдалось только в отношении политической власти, но что в дальнейшем разгорелась борьба за землю.

Бряд ли можно считать положения Эдикта Теодориха о защите мелкого землевладения результатом влияния германского права. И в византийском законодательстве есть сколько угодно положений демографического характера о защите *minores* (например *Cod. Theod.*, II, 16, 3 и I, 16, 4).

Автор резонно критикует И. А. Дворецкую за ее попытку рассматривать систему материального вознаграждения потерпевшего как результат влияния германского права: и в римском праве имелось выраженное начало двукратного и четырехкратного вознаграждения потерпевшего! Раздел о налогах носит несколько суммарный характер. Остается непонятным, чем же отличается освобождение готских воинов от налогов от римской системы освобождения от налогов *limitaneos milites* (*Nov. Theod.*, 24, 4—443). Здесь мы видим со стороны автора некоторую уступку германистам.

Противоречивые данные источников по вопросу, платили ли готы налоги за землю, автор объясняет, предполагая, что готы вносили налоги только за те земли, которые в дальнейшем приобрели от посессоров; это звучит убедительно, но не проще ли допустить, что освобождены были полностью от налогов только те земли, которые получали рядовые воины-готы в порядке *agri limitanei*, а с крупных владений, пожалованных остготской знати, налоги собирались. Сведения Кассиодора о том, что остготское правительство грозило готам, не вносившим налоги, конфискацией земель, говорит скорее за это.

Недостаточно исследована, по нашему мнению, налоговая система остготского государства в отношении товарного обращения и городского населения. Так, например, не затронут вопрос о *siliquaticum*, пошлине на каждую торговую сделку в размере 4,5%, которая существовала при остготах, но не была известна в Византии.

Следовало бы указать на политическую сторону факта передачи сбора налогов римским чиновникам: ненависть населения направлялась не столько против захватчиков-готов, сколько против их агентов-римлян — сборщиков налогов! В дальнейшем это дало возможность народным массам Италии выступить совместно с готами против византийцев, которые в сущности ничего нового не вводили ни в общественный строй, ни в налоговую систему!

Наиболее тщательной является глава V (о классовой борьбе при господстве готов). Автор полностью разбивает все утверждения о классовом мире во время правления остготов. Правление готов было военным террором захватчиков над населением, причем с захватчиками временно находились в союзных отношениях и представители сенаторской знати. Однако автор преувеличивает роль рабов в выступлениях. Наиболее яркие выступления, для подавления которых требовалась посылка целых армий, связаны были не восстаниями рабов, а с протестом широких масс итальянского населения против реакционных мероприятий остготов.

Глава «Остготы и римско-итальянская знать» (стр. 221) посвящена главным образом взаимоотношениям римской знати и остготского правительствa. Автор видит расхождение между представителями той прослойки знати, которая стала «верой и правдой» служить захватчикам «во имя сохранения своего привилегированного положения» (стр. 223). Это представители провинциальной знати — Кассиодор, Фавст, Эннодий. Другая часть римской знати — старая сенаторская аристократия — перешла в оппозицию, когда среди готской знати наметилась агрессивная политика в отношении земель итальянской аристократии. Но вряд ли аргументировано положение о симпатиях деятелей типа Фавста и Кассиодора к «феодализирующейся» остготской знати. Из сочинений Кассиодора можно вывести лишь, что он ценил готов за то, что они восприняли римскую культуру, т. е. за их рабовладельческую политику! Можно думать, что лица типа Кассиодора надеялись на то, что сильная власть готов лучше сможет сохранить рабовладельческие отношения и общественный строй Римской империи, чем власть далекого константинопольского императора! Несколько неаргументированно звучит деление остготской знати на «служилую» и провинциально-землевладельческую, которую автор считает «феодализирующейся». Вряд ли можно говорить о «служилой» знати остготов в первую половину правления Теодориха: ведь весь государственный аппарат в основном обслуживался римскими чиновниками.

Совершенно естественно, что по мере укрепления остготского государства у завоевателей появилось стремление оттеснить итальянскую знать от управления и захватить земли римской аристократии. Союз с римской знатью, по мнению автора, был только временным, борьба была неотвратимой. Но автором недостаточно четко очерчена другая сторона отношений — совершенно явственное наличие среди готской высшей знати сторонников сближения с Византией. Если часть готской знати замышляла после смерти Теодориха перейти на сторону Византии, то, разумеется, не из любви к Платону и греческому языку. Автор недостаточно оттенил то обстоятельство, что масса рядовых готов-воинов по мере увеличения их численности требовала все больших *donativa* и что для удовлетворения их appetitov требовалось не только эксплуатировать местное население, но и ущемлять интересы готской знати. Не внешние интриги, а *внутренние противоречия в связи с существованием особого привилегированного сословия завоевателей были причиной неустойчивости остготского государства.* Следовало бы отметить, что социально-эконо-

мические требования «национальной партии» ничего общего с интересами широких масс местного населения не имели: воины-завоеватели требовали за счет народных масс увеличивать свои *donativa*. Только византийское завоевание и поражение готов, лишившее их положения господ-завоевателей, временно приблизило их к народным массам Италии.

З. В. Удальцова считает причиной побед Велизария исключительно то, что византийцы имели союзниками рабовладельческую знать и католическое духовенство. Между тем на первом этапе войны широкие массы населения Сицилии, Рима, Средней и Северной Италии были явно враждебно настроены против захватчиков-готов. Приводимые автором факты показывают, что часто высшая прослойка италийской знати и верхушка духовенства вовсе не проявляли достаточной энергии в борьбе против готов (стр. 318).

Напрасно на стр. 320 З. В. Удальцова пишет о «героическом сопротивлении» населения Неаполя византийцам. Она сама на стр. 270—271 признавала, что массы отнюдь не склонны были защищать город, но что город находился в руках привилегированной прослойки, которая отчаянно защищала его.

Некоторую непоследовательность автор проявляет и в оценке поведения широких масс населения Рима. С одной стороны, говорится о патриотизме населения, о том, что возмущение было вызвано нерешительностью Велизария в борьбе против готов (стр. 291, 297); с другой стороны, утверждается, что население города «на короткий срок поддалось агитации католического духовенства и сенаторской аристократии». Неужели у широких масс патриотизм в борьбе против чужеземных захватчиков-готов мог возникнуть только в результате агитации знати?

В главе II автор утверждает, что внедрение в Италию Юстинианова законодательства ухудшило положение народных масс. Это утверждение в некотором отношении тенденциозно. Так, на стр. 325 автор говорит о строгом требовании возвращения к господам не только рабов, но и адскриптициев, забывая, что и в Эдикте Теодориха было подобное же постановление. На стр. 93 оно служило аргументом для признания прогрессивности общественного строя остготского государства, на стр. 325 подобное же постановление расценивается как реакционное мероприятие, введенное византийцами! В качестве аргумента указывается на некоторые не столь важные постановления, ухудшившие положение рабов (отмена права освобождения рабыни, бежавшей 20 лет назад), и в то же время упускается наиболее существенное: по византийскому праву нельзя продавать деревенских рабов и адскриптициев без земли, тогда как по ст. 142 остготские владельцы имели право продавать рабов и оригинариев без земли! Нельзя не признать, что византийское законодательство было в этом отношении, пожалуй, и мягче, и прогрессивнее (с точки зрения приближения к феодальным порядкам), чем остготское!

Нужно полностью отказаться от мысли, что нововведения в связи с принятием Юстиниановых добавлений к римскому праву, бытовавшему в Италии, могли сколько-нибудь настроить против Византии италийское население. К тому же вопрос о времени внедрения Юстинианова кодекса и новелл в Италию очень спорен и требует дополнительного исследования. Другое дело — грабительская политика византийских чиновников, считавших себя завоевателями и полными хозяевами, недалековидная политика в отношении местного населения, подвергавшегося унижениям, религиозные преследования и т. д., а самое главное, предоставление византийской армии права кормиться за счет завоеванного населения при почти полном прекращении выдачи денег! Об этом единогласно говорят

все источники; это были временные явления, но именно они и послужили стимулом для выступления против византийцев, развязывая тем самым революционные силы угнетенного населения.

В своем труде З. В. Удальцова детально останавливается на вопросе о роли Тотилы и его окружения в социальной борьбе народных масс против угнетателей. Автор окончательно разбивает существовавшее представление о Тотиле как о сознательном героическом вожде народных масс. По мнению автора, Тотила был выразителем интересов более широкой прослойки остготской знати, опиравшейся на рядовых воинов-готов; но ни Тотила, ни его окружение не имели никаких стремлений уничтожить рабство и колонат. Нигде нет указаний, что Тотила проводил массовое освобождение рабов и оригинариев. Народные массы явочным порядком, независимо от готов, сами уходили от господ, сами срывали законы о браках — как византийские, так и готские; они сами себя освобождали в бурные годы войны.

Единственное, на что решился Тотила, находясь в трудном военном положении, — это допустить в свои войска рабов и не выдавать их византийцам. Нет сведений и о снижении налогов на трудящихся; наоборот, есть и прямые указания на то, что налоги были оставлены в прежнем размере, но что вместо знати колонны должны были платить их готскому правительству. Поскольку не изменились размеры налогов, то в прежнем виде оставались и сборы налогов со всеми вытекающими из этого последствиями! Естественно, автор пришел к выводу о том, что при Тотиле обогащались представители чиновной, военной и гражданской администрации (стр. 348).

Автор подчеркивает важность сообщения Прокопия о том, что Тотила приказал колонам платить налоги государству, а не господам. Хотя, по мнению автора, это нельзя относить ко всем колонам, тем не менее это постановление делало юридически свободными громадное число зависимых, санкционировало результаты народного движения 40-х годов!

Но тут же автор отмечает и противоположную тенденцию — «пожалования» Тотилой земель в пользу как остготской, так и части римской знати. Эти «пожалования» в сущности были о б р а т н ы м з а к р е п о щ е н и е м освобожденного населения! З. В. Удальцова совершенно правомерно считает поворотным пунктом в политике Тотилы начало 50-х годов, момент второго взятия его войсками Рима, когда он стал чувствовать себя «как гордый властелин». Тогда он перешел к политике защиты интересов крупной готской знати без всякой военной необходимости, вступая в дружественные сношения с римской сенаторской знатью. Без возвращения знати власти над колонами и рабами нельзя было проводить эту политику. Естественно, что этот поворотный момент в политике Тотилы стал также переломным в отношении к нему народных масс! Именно с этого момента начинается рост антиготских настроений, что отмечает автор на стр. 397.

Автор несколько идеализирует социальную базу Тотилы — рядовых воинов-готов. Не вызывает удивления то, что во время тяжелой борьбы против византийцев в 40-х годах они проявили колоссальную энергию и способность идти вместе с широкими народными массами. Но как только появился призрак полной победы, рядовые готы стали чувствовать себя привилегированной прослойкой и стали поддерживать политику знати, поддерживать систему «пожалований» и вместе с тем обратного закрепощения народных масс.

Этот поворот в политике неизбежно привел готов к полному поражению!

Переходя к последствиям византийского завоевания, З. В. Удальцова подвергает детальному анализу Прагматическую санкцию Юстиниана. Четко отмечается реакционность этого документа в отношении тех перемен, которые произошли во время войны в социальном строе страны. Однако автор несколько сгущает краски, словно забывая, что и сам Тотила, и его окружение встали на путь социальной реакции. В некоторой части Прагматическая санкция имела в виду не столько социальные изменения, сколько мероприятия против сторонников Тотилы из состава знати. Неубедительно мнение о готской знати как о носительнице феодального способа производства. И среди византийской, и среди готской знати сохранились рабовладельческие традиции.

Нет оснований трактовать ст. 10 санкции как отмену каких-то налоговых льгот, сделанных Тотилой мелким посессорам. Если следовать буквальному смыслу статьи, то речь идет лишь об отмене налоговых тягот вообще.

В отношении ст. 26 санкции — вряд ли передача *coemptio* купечеству являлась каким-то ущемлением его интересов. Ведь купечеству *coemptio* передавалось лишь тогда, когда было удобно закупать продовольствие (даже из заморских стран). Нужно иметь в виду, что во время издания Прагматической санкции Византия была полной хозяйкой морских путей на Средиземном море и что возможности торговли расширились. По нашему мнению, ст. 26 имеет целью развитие нормальной торговли продовольствием и по возможности замену тяжелой для населения системы *синоне* (*συνωνή*).

Всюду, где идет речь о возвращении старых римских владельцев, автор не вносит ясности, кого же можно разуметь под этими старыми владельцами — тех ли, которые бежали в Византию после 541 г., или же тех, которые покинули Италию после 476 г. Проводимая неоднократно аналогия с вандалским государством неудачна, так как в Вандальской Африке не санкционировались имущественные отношения, существовавшие до византийского завоевания, как это сделано было в Италии Прагматической санкцией. Анализ Прагматической санкции дополнен З. В. Удальцовой глубоким изучением равенских папирусов. Целый ряд проблем в труде автора получил окончательное разрешение. Установлено, что готское землевладение вовсе не исчезло после окончательной победы византийцев в Италии. Тем самым блестяще опровергается теория о том, будто все готы были превращены в колонов. Интересные данные приведены о наличии в конце VI и в начале VII в. у готских землевладельцев рабов готского происхождения. Говоря о значении рабского труда в византийской части Италии, З. В. Удальцова приводит сведения из папирусов о том, что для обработки виноградников господ поручали колонам своих рабов (стр. 465).

Равенские папирусы в исследовании З. В. Удальцовой, с одной стороны, дают доказательства развития феодальных отношений в византийской Италии, а с другой, свидетельствуют о наличии тенденции сохранить существовавший общественный строй.

Мы не можем солидаризоваться с утверждением, что византийское завоевание принесло с собой раздробленность Италии. Те области, которые длительно находились под властью Византии, и в дальнейшем оставались объединенными (Королевство обеих Сицилий). Наоборот, местности лангобардского завоевания стали центрами раздробленности.

Очень ценны изыскания относительно ремесла (главным образом по равенским папирусам). Но неожиданным, не вытекающим из источников,

является вывод относительно перемещения ремесла из города в деревню (стр. 482). Это можно сказать о тех районах, где города были сметены лангобардами, но нельзя переносить это на те местности, которые еще длительный срок находились в руках византийцев.

Общий вывод автора о том, что события 541—555 гг. оказали колоссальное влияние на дальнейшую судьбу Италии, совершенно правомерен. Прогрессивность событий византино-остготской войны, как правильно отмечает в разных местах своей работы З. В. Удальцова, — именно в выступлениях широких масс против того общественного строя, который, независимо от того, в какой он был редакции — готской или византийской, — одинаково представлял собой попытку знати ввести пробивающиеся новые производственные отношения в рамки рабовладельческого права, подвести любого зависимого к юридическому статусу раба.

Остготская и византийская знать, в одинаковой мере реакционные, истощили свои силы во взаимной борьбе и дали возможность в дальнейшем лангобардам произвести в Италии полный социальный переворот.

Подводя общую оценку труда З. В. Удальцовой, мы должны признать исключительную его важность для освещения истории Италии и Византии в VI в. Это единственный марксистский труд по истории остготского королевства, который в столь полной мере использует данные всех источников того времени, дает глубокий анализ как внутреннего строя остготского государства, так и политической и военной истории. Автору удалось блестяще опровергнуть многие ходячие, заимствованные от германистской историографии неправильные представления о прогрессивности правления Теодориха, дать критическую оценку личности и деятельности Тотилы. В центре внимания автора постоянно находились не Тотила и его воины, а широкие массы трудящихся. Хотя в некоторых частных выводах, отдавая дань старой традиции, автор все еще иногда противопоставляет «прогрессивные» моменты строя Остготского королевства реакционной Византии, но в целом исследование З. В. Удальцовой вскрыло истинное направление внутренней политики готов. Все прогрессивные сдвиги в общественном строе Италии VI в. объясняются в рецензируемой книге в основном не спецификой готского завоевания и влиянием германского права, а героическим сопротивлением масс против стремлений как готов, так и византийцев задержать закономерный ход развития страны, включить новые производственные отношения в рамки рабовладельческой системы. Тем самым, по нашему мнению, научная история Италии VI в. приобретает более убедительный характер.

В книге имеется обстоятельный подстрочный аппарат (около 750 примечаний), посвященный главным образом критике буржуазной историографии по частным проблемам. Текст иллюстрирует приложенная 21 карта-схема. Рецензируемый труд читается легко и с большим интересом. Драматически описываются события войны 541—555 гг., этой самой опустошительной войны в истории Италии. Особенно ярко описывается дикий погром и грабеж итальянского мирного населения вторгшимися в Италию союзниками готов — франкскими полчищами. Книга тщательно проверена; погрешности и опечатки редки (например, на стр. 32 «продавец» вместо «покупатель»; стр. 242 — «тот» вместо «гот»).

Мы уверены, что книга З. В. Удальцовой найдет массового читателя среди научных работников, студентов, учителей и всех интересующихся исторической наукой.